

УДК 398.22(=512.157/.31)
DOI 10.25587/e0513-4605-2563-u

Л. Н. Герасимова

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ОСОБЕННОСТЬ ЯКУТСКИХ И БУРЯТСКИХ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ В ЭПИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Аннотация. В статье приводится анализ изобразительных глаголов якутского языка в качестве экспрессивной лексики в сравнении с бурятскими изобразительными глаголами с целью выявления особенностей функционирования глаголов в контексте эпического текста. Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью использования изобразительной лексики в эпических текстах и необходимостью рассмотрения их функциональных особенностей в сравнительном аспекте. Материалом для исследования послужили тексты олонхо И. И. Бурнашева – Тонг Суорун «Сын лошади Богатырь Дыырай» («Сылгы уола Дыырай Бухатырь») и бурятского героического эпоса Елбона Шалбыкова «Аламжи Бэргэн». В анализе задействовано 84 изобразительных глагола из якутского олонхо и 41 глагол из бурятского эпоса, которые по контексту и семантике определяют образное действие. В работе использованы метод сплошной выборки для сбора примеров изобразительных глаголов из эпических текстов; компонентный анализ для характеристики понятийного составляющего слова; метод контекстуального анализа, предоставляющий возможность выявить различные значения и оттенки значений исследуемых глаголов в составе контекста в зависимости от их функций. При выявлении функциональных особенностей изобразительных глаголов за основу была взята классификация текстовых функций эмотивной лексики Л. Г. Бабенко. Результат проведенного анализа показывает, что изобразительные глаголы используются в большей степени в описании персонажей, их внешнего вида и движений, что говорит об описательно-характерологической функции. Также немалая часть глаголов выполняет интерпретационную и эмоционально-оценочную функции, которые привлечены для описания природы, жилища, утвари и орудия. Следует отметить, что якутский сказитель чаще прибегает к детализациям и образным описаниям с целью придания зрелищности, красочности картин и действий, а бурятский сказитель основное внимание уделяет динамике движений и действий для живости и яркости течения событий, развития сюжетов. Анализ функциональных особенностей якутских и бурятских изобразительных глаголов на материале эпических текстов позволяет нам сказать, что их особенность и общность заключается в их непосредственном участии в создании образов, описании картин, характеристике действий.

Ключевые слова: эпос, эпический язык, экспрессивная лексика, изобразительные глаголы, олонхо, бурятский эпос, функциональность, сравнительное изучение, сказительство, лексический словарь сказителя.

Благодарности: Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского проекта СВФУ «Героические эпосы тюрко-монгольских народов Евразии: проблемы и перспективы сравнительного изучения».

L. N. Gerasimova

Functional feature of Yakut and Buryat image-forming verbs in epic text

Abstract. The article provides an analysis of the image-forming verbs of the Yakut language as an expressive vocabulary in comparison with Buryat image-forming verbs in order to identify the features of the functioning of verbs in the context of an epic text. The relevance of the study is due to the insufficient study of the image-forming

ГЕРАСИМОВА Лилия Николаевна – н. с. сектора «Лингвофольклористика» Научно-исследовательского института Олонхо Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова, Якутск, Россия.

E-mail: gelinica@yandex.ru

GERASIMOVA Liliya Nikolayevna – Researcher of the Sector “Folklore Linguistic”, Olonkho Research Institute, North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia.

E-mail: gelinica@yandex.ru

vocabulary using in epic texts and the need to consider their functional features in a comparative aspect. Olonkho *Son of a Horse Bogatyr Dyrai* by Innokenty Burnashev – Tong Suorun and Buryat heroic epic *Alamzhi Bergen* by Elbon Shalbykov were used as the material for the study. The analysis involved 84 image-forming verbs from the Yakut olonkho and 41 verbs from the Buryat epic, which determine the figurative action by context and semantics. The work used the method of continuous sampling to collect examples of image-forming verbs from epic texts; a component analysis to characterize the conceptual item of the word; a method of contextual analysis, which makes it possible to identify different meanings and shades of meanings of the studied verbs in the context, depending on their functions. In identifying the functional features of image-forming verbs, the classification of textual functions of emotive vocabulary by L. G. Babenko was taken as a basis. The result of the performed analysis shows that image-forming verbs are used to a greater extent in describing characters, their appearance and movements, which speaks of a descriptive and characterological function. Also, an important part of the rest verbs relates to the interpretive and emotional-evaluative functions, which are used to describe the nature, abode, utensils and weapon. It should be noted that the Yakut storyteller pays more attention to detailed and figurative descriptions to create entertainment, colorful pictures and actions, while the Buryat storyteller pays more attention to movements, the course of actions for liveliness and brightness of events, the development of plots. An analysis of the functional features of the Yakut and Buryat image-forming verbs in epic texts allows us to say that their peculiarity and commonality lies in their direct participation in the creation of images, the description of pictures, and the characterization of actions.

Keywords: epic, epic language, expressive vocabulary, image-forming verbs, olonkho, Buryat epic, functionality, comparative study, storytelling, lexical dictionary of the storyteller.

Acknowledgments: The study was carried out within the framework of the NEFU research project “Heroic epics of the Turkic-Mongolian peoples of Eurasia: problems and prospects for comparative study”.

Введение

Изобразительные глаголы – это лексико-семантическая группа глаголов, в значении которых «главную роль играют чувственное восприятие и движение, причем в подавляющем большинстве случаев выступает зрительный образ» [1, с. 203]. Они, выступая в качестве экспрессивно-выразительных средств, широко и богато используются в эпических текстах.

В статье производится анализ употребления изобразительных глаголов якутского языка в качестве экспрессивной лексики в сравнении с бурятскими изобразительными глаголами с целью выявления особенностей функционирования глаголов в контексте эпического текста, что вложит свою лепту в определение общностей и различий эпических традиций тюрко-монгольских народов. Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью использования изобразительной лексики в эпических текстах и необходимостью рассмотрения их функциональных особенностей в сравнительном аспекте.

Начало сравнительного изучения якутского героического эпоса с другими эпосами тюрко-монгольских народов было заложено эпосоведом И. В. Пуховым, который указал общие, сходные и различные черты в сюжетах, образах и стилях эпосов [2; 3]. В публикациях последних лет по сравнительному изучению якутского и бурятского эпосов якутскими исследователями затронуты темы мотива уничтожения чудовища *абаасы* (А. А. Борисова) [4], образной системы эпосов (А. Ф. Корякина) [5], образа женщины-богатырки (А. Н. Данилова) [6], параллелей в поэтике эпосов (А. Ф. Корякина) [7], аллитерационной системы эпосов (Л. В. Роббек) [8], параллелизмов (Ю. П. Борисов) [9] и др.

Фактическим материалом для исследования послужили тексты олонхо И. И. Бурнашева – Тонг Суорун «Сылгы уола Дырай Бухатыр» («Сын лошади Богатырь Дырай») (6687 строк) [10] и бурятский героический эпос Елбона Шалбыкова «Аламжи Бэргэн» (5297 строк) [11]. В работе использованы метод сплошной выборки для сбора примеров изобразительных глаголов из эпических текстов; компонентный анализ для характеристики понятийного составляющего слова; метод контекстуального анализа, предоставляющий возможность выявить различные значения и оттенки значений исследуемых глаголов в составе контекста в зависимости от их функций.

Функциональная особенность изобразительных глаголов в якутском и бурятском эпических текстах

В анализе задействовано 84 изобразительных глагола из якутского олонхо и 41 глагол из бурятского эпоса, которые по контексту и семантике определяют образное действие. Как

отмечает Л. К. Хертек, «сказитель, создающий и воспроизводящий текст эпического произведения, огромное значение придает тому, какими словами и фразами он пользуется, и каким образом (напев, речитатив) он рассказывает, то есть сказитель будто намеренно привлекает внимание к языковой форме выражения, настраивая слушателя на осознанное, активное восприятие» [12, с. 188]. Для полноты и яркости передачи образа, выражения эмоций и чувств, сказителями широко используются изобразительные глаголы.

При выявлении функциональных особенностей изобразительных глаголов за основу была взята классификация текстовых функций эмотивной лексики Л. Г. Бабенко, т. к. изобразительные глаголы, обладая ярко выраженной экспрессивностью, эмоциональной оценкой и изобразительностью, имеют качества эмотивной лексики. В классификации Л. Г. Бабенко выделены 4 функций: описательно-характерологическая (создание психологического портрета образа персонажей); интерпретационная и эмоционально-оценочная (эмоциональная интерпретация мира, изображенного в тексте, и его оценка); интенциональная (обнаружение внутреннего эмоционального мира образа автора); эмоционально-регулятивная (воздействие на читателя) [13, с. 156]. В нашем анализе выявлено наличие следующих функций:

1. Описательно-характерологическая функция:

В данную группу входят изобразительные глаголы, которые привлечены в описании внешнего вида персонажей и их действий (47 якутских и 17 бурятских изобразительных глаголов).

Так, например, в якутском олонхо глаголы якутский (далее як.) *уөкэй* «быть прямым и высоким» [14, с. 469], як. *биэкэй* «быть очень тонким в талии, тонкостанным» [15, с. 348] и як. *дарай* «иметь широкие плечи; быть, казаться широкоплечим» [16, с. 108] применяются для создания портрета главного героя олонхо – богатыря айыы Сын лошади Дыырай, усиливают его крепкость и силу: *Баар эбит, добоор, / Үрдүгэ үс бэчээтинэй үтүө киһи, / Алын тилэбэ быһыйга быһыылаах, / Оттоку унуоҕа бодьуйга боруобалаах, / Үрүт унуоҕа модьуга мөссүүннээх, / Үс түһэ кэбиһэ былас / Үөкэйэр өттүктээх эбит, / Биэс былас биэкэйэр биһллээх, / Алта былас дарайар сарыннаах...* [10, с. 32] ‘Оказывается, есть, друзья: / Сверху три печатных / Добрый молодец, / Судить по пяткам – / Бегун отменный, / Средние кости толстые, / Видать, сильный человек, / На три маховых сажени / Высокие бедра у него, / На пять маховых сажений / Тонкая талия у него, / На шесть маховых сажений / Широкие плечи развернулись’ [10, с. 206].

Глаголы як. *хоронноо* «от *хорой*: 1. быть, казаться торчащим вверх; 2. разг. становиться выше ростом, расти» [17, с. 602] и як. *томтолдьуй* «от *томтой*: быть, казаться выпуклым, округлым, возвышаться» [18, с. 444] замечены в детальном описании телодвижений богатыря, когда он собирается заговорить: *Итиниэхэ Сылгы уола Дыырай тыл кэпси / Өрөөбүт уоһун өһүллэ, / Хоммут уоһун хомуйда, / Алтан дьаакыр айабын аппаннатта, / Үрүҥ көмүс сүөлэгэй күүмэйин көбүөлэттэ. / Уоһа хоронноото, / Уолуга томтолдьуйда, / Үнүү батас курдук / Үтүрү-батыры көрөн кэбистэ, / Быһах хатат курдук / Быһа-таһа көрөн кэбистэ* [10, с. 53] ‘К этому образине / Лошадиный сын Дыырай-силач / Обращается с речью, / Уста застывшие раскрыл, / Медный, как якорь, рот / Открывает, гортанью серебряной, / Пошевелил, губы выпячивает, / Горло поднимается, / Взглянул глазами остро, / Словно лезвием меча, / Будто собирается тотчас / Резать-кромсать’ [10, с. 226].

Глагол як. *айбалдьый* «от *айбай*: плавно и широко раскидываться, колыхаться» [1, с. 285] участвует при описании внешнего вида и телодвижений красавицы Айталы Куо, помогая изобразить невинную красоту героини: *Эт бүтэй унуоҕа көстөр, / Унуоҕ бүтэй силиһтэ дьаккый-ар, / Үчүгэй дьахтар, / Көссүө-көссүөтүк көрөн барда, / Нарын-нарыннык сангара сырытта, / Астаан-үөллээн айбалдьыйан барда, / Күүстээн-астаан күүгэлдьийэ сырытта* [10, с. 116] ‘Сквозь тело белеют кости, / Сквозь кости слегка волнуется / Костный мозг – так она прелестна, / Глядя нежным взглядом, / Что-то говорит голосом тихим, / Начала готовить пищу, / Двигаясь так грациозно’ [10, с. 281].

Глагол як. *аппаннаа* «от *аппай*: 1. приоткрываться, закрываться не вплотную; 2. беспечно широко разевать рот» [19, с. 505], который используется преимущественно при определении действий человека, в данном случае, употребляется в описании действий коня: *Бу сылгы / Үөһэ диэкки өрө көрдө, / Алтан чааньнык айабын аппаннатта, / Үрүҥ көмүс үөлэгэйин көбүөхтэттэ, / Киһи-сүдүһү уөскүү илигинэ, / Айыы-буруй таарыйа илигинэ, / Сылгы сүдүһү*

тыллаах эбит, / Тыл бөбө сиикэйдээх, / Олонхотун олонхо омуннаах, / Ити сылгы сагара-ингэрэ турда [10, с. 84] ‘Конь смотрит в небо, / Разинул пасть, подобную / Медному чайнику, / Серебряной гортанью задвигал. / До большого размножения / Людей и скота, / Пока грехи не объяли мир, / Лошадиный род умел говорить / (Нет сказа, чтоб не приврать. / Олонхо не обходится без преувеличения.) / Конь начал говорить’ [10, с. 254].

Действия, характерные для образа скотницы Старушки Симэхсин, украшены изобразительными глаголами як. *эпэнгээ* «1. едва переводить дыхание, запыхаться; 2. пер. вздыматься, колыхаться, дыбиться, волноваться (о поверхности воды, волнах)» [20, с. 267], як. *аппаннаа* «от *аппай*: 1. приоткрываться, закрываться не вплотную; 2. беспечно широко разевать рот» [19, с. 505] и як. *тойтос гын* «от *тойтой*: 1. быть, казаться очень маленьким и полным (о фигуре человека); 2. быть, казаться очень коротким, кургузым» [18, с. 424], данные глаголы придают комичность и живость в движении персонажа: *Дьалаана суох сагаран барда, / Ытсыта суох ыллаан барда, / Этиэн булума эппэнни сырытта, / Сагарыан булума аппангы турда... / Уган тиэрэ баран тойтос гына түстэ* [10, с. 101] ‘Всполошённо подпрыгнула, / Впопыхах заговорила, закричала, / Едва переводя дыхание, / Топчась, прыгая на месте ... Вскрикнула, упала в обморок’ [10, с. 268].

В бурятском эпосе глагол бурятский (далее бур.) *орболзохо* «1. лохмато вздыматься; 2. ощериваться; 3. топорщиться (о шерсти)» [21, с. 37] содействует в ярком изображении злости и гнева богатыря: *Ууралажи байбал-даа, / Оройн хара үһэйе / Орболзуулан байбал-даа, / Оошын сагаан шүдүөө / Хүхүнүүлжи байбал-даа* [11, с. 150] ‘У Аламжи Мэргэна от гнева / Дыбом встали на голове / Черные волосы, / Заскрежетали во рту / Белые зубы’ [11, с. 151].

Глаголы бур. *бухыхэ* «1. пригибаться, наклоняться, сгибаться; склонять (голову); 2. сгибать (спину); горбиться; быть горбатым» [22, с. 168], бур. *маряаха* «подкрадываться, красться; нацеливаться» [22, с. 543], бур. *нахиixa* «1. быть согнутым; 2. прогибаться, сгибаться» [22, с. 596] в примере: *Мангад Шара Гахай-ла / Будүүн гэхү үбүһэйе / Бүхүүлгөөүгэй маряабал, / Нарин гэхү үбүһэйе / Нахилгаагүэй марайжи / Ошолдожи талибал* [11, с. 124] ‘Узнав его, / Рыжий мангадхай / Стал подкрадываться, / Не пригибая совсем / Толстых стеблей, / Не приминая даже / Тонких стеблей’ [11, с. 125] участвуют при описании телодвижений чудовища, показывают легкость и гибкость движений.

В описании неотразимой и чарующей глаза красоты трех девиц причастен глагол бур. *толорхо* «излучать свет, светиться, сиять» [21, с. 245]: *Зүүнхэн хасарын толондо / Зүүнхэн хада толтожи / Нуугаа гэхэн юүмэ-даа, / Баруун хасарын толондо / Баруун уула толтожи / нуугаа гэхэн юүмэ-даа!* [11, с. 184] ‘От блеска их левых щек / Восточная гора, говорят, / Ярким светом сияет, / От сиянья их правых щек / Западная гора, говорят, / Чудным светом светится’ [11, с. 185].

Изобразительный глагол бур. *далайха* «1. 1) замахиваться, размахиваться; 2) поднимать (руку, меч и т. п.); 2. размах, замах» [22, с. 254] употреблен для показа телодвижений богатыря при борьбе с чудовищем, подчеркивает мощь и здоровый вид богатыря: *Аламжи Мэргэн хүбүүнин / Зүүнхэн ехэ гараараа / Зүүнхэн ехэ тайгаяа / Дэлим гэжи далайжи / Баруун ехэ хасарын / Мангад Шара Гахаяа / Ташилдажи байлгалай* [11, с. 122] ‘И левой могучей рукой / Аламжи Мэргэн молодой, / Размахнувшись во всю ширь / Бескрайней восточной тайги, / Ударил наотмашь / По правой широкой щеке / Рыжего мангадхая’ [11, с. 123].

Таким образом, изобразительные глаголы с описательно-характерологической функцией в эпическом тексте направлены на характеристику персонажей, их внешнего вида и действий. Нами отмечено, что якутские глаголы участвуют в большей части в детальном описании персонажей, характеристике их внешностей и действий, а бурятские глаголы задействованы в значительной мере в описании телодвижений и действий персонажей.

2. Интерпретационная и эмоционально-оценочная функция:

Глаголы с данной функцией привлечены для описания природы (28 якутских и 11 бурятских изобразительных глаголов); жилища, утвари и орудия (9 якутских и 15 бурятских изобразительных глаголов).

- Описание природы:

В большинстве случаев, изобразительные глаголы якутского языка, задействованные в описании природы, привлекаются при создании представлений о природе Среднего мира, часто

они даются во вступительной части эпического текста, где образуется начальная картина о жизни на Земле. Например, глагол як. *мэтэлдүй* «от *мэтэй*: выгибаться вперед, высталая живот» [1, с. 293] участвует в описании сосен: *Мэссээн нууча кыргытара / Биэлэй күөх солкоттон тутуһан / Бизрэк сиргэ кишрэннэр үңкүүлээн / Мэтэлдүйһэн эрэллэрин курдук / Бэрдьигэс мастаах эбит ээ* [10, с. 16] ‘Подобно тому, как нарядные / Девицы русские, собравшись / На берегу, держась / За бело-голубые платки, / Играя бедрами, / Заводят призывный хоровод, / Растут пышно сосенки!’ [10, с. 190].

Глаголы як. *кынталый* «от *кынтай*: быть стройным, с высоко, горделиво поднятой головой» [23, с. 272] и як. *кынтас гын* «от *кынтай*: быть стройным, с высоко, горделиво поднятой головой» [23, с. 272] включены в отрывок, раскрывающий образ холмов: *Кытай омуқ сириттэн / Кылбабар бэйэлээх, / Кынталлыбыт быһыылаах, / Кылдыылаах харахтаах, / Кырааскалаах тумустаах, / Кырымпанан куоластаах / Кыталык кыыл кэлэн / Сэттэ түүннээх күнү мэлдьи / Кытытын кырыяа көтөн, / Кынтас кына түһэн, / Кырыылаах тумсунан / Кыһыл чиэрбэни / Кыайан кытаахтаан сиэбэтэх, / Кырна бөбү кыайан сыстыбатах / Кыйдам мабан / Кырдаллардаах эбит, эбээт!* [10, с. 16] ‘Прилетая с китайской стороны, / Белый стерх величавый, / Обозревая глазами с ободками, / Бросая голосом звонким, / Подобным скрипичному, призыв, / Семь дней и семь ночей / Облетает по краям весь дол, / Красным клювом граненым / Не может схватить ни одного / Красного червячка – такой чистоты / Крепкие холмы белые / Раскинулись вокруг’ [10, с. 191].

Во время борьбы богатырей с помощью изобразительных глаголов описываются перемены, происходящие в природе, в частности, в водных объектах, как море или река, создают чувство волнения, переживания и передают мощь борьбы. Например, в примере с глаголом як. *долгулдьуй* «1. слегка волноваться, рябить; 2. слегка, мерно колыхаться; 3. толчками, рывками качать, шатать, трясти; 4. плавно идти, двигаться, плыть; 5. плавно переходить из одного состояния в другое; плавно двигаться» [16, с. 154]: *Таас Таалыйа хонууну наймылдьыттылар, / Кыһыл кыппыайка быһыттан түстэ. / Улуу муора уута долгулдьуйа турда, / Далай муора уута дьалкыйан табыста* [10, с. 128] ‘Каменистое поле Таалыйа / Тяжелыми вспахали ногами, / Красными песками разносится; / Взволновалось великое море, / Глубокого океана вода / Поднимается выше берега’ [10, с. 291], ощущается крупность и сокрушительность схваток.

Сотворению образа священного дерева Аал Луук Мас, как части природы, уделяется особое внимание. Красота и величие Аал Луук Мас также сказывается в начале олонхо. В примере: *Тойон киһи кымыс иһэр / Оһуор ойуулаах, / Бочугурас ойозостоох, / Томторболоох айахтаах / Чороон ымыйаларын / Таннарыта тунпун курдук / Лоһуор көмүс туораахтаах эбит. / Бу абыс салаата / Абыс ааттаах үрэх баһыгар тиийэннэр / Таннарыта намылыһан түспүттэр эбит* [10, с. 20] ‘Будто развесили, опрокинув, / Чороны праздничные, / С резными краями, / С боками узорными, / Из которых пьют кумыс / Именитые господа, / С крупными желудями. / Эти восемь ветвей, / Достигнув далекие истоки / Восьми великих рек, / Согнулись вниз’ [10, с. 194], глагол як. *намылый* «смешиваться, опускаться вниз, стлаться» [1, с. 293] передает то, что разросшиеся ветви священного древа стали тяжелыми, длинными, но в то же время сохраняют свою изысканность.

В бурятском сказании так же, как и в якутском эпосе, глаголы, участвующие при описании природы, прослеживаются в начале эпического текста. Например, глагол бур. *намаалха* «1. покрываться листьями (ши листвоной); 2. распускаться (о листьях)» [22, с. 590] привлечен для создания портрета роскошной лиственницы: *Тайгуйн хүйтүн булагган / Эрве дээрһээн ургаба. / Эмтэй улаан шүнүһөн / Ара бэһээн намаалба / Алтан сэсэг намаагаар, / Эбэр бэһээн намаалба / Мүнгүн сэсэг намаагаар* [11, с. 60] ‘Близ таежного / Студеного родника / Целебная красная лиственница выросла: / С северной стороны / Золотые листья у нее распустились, / С южной стороны / Серебряные листья у нее распустились’ [11, с. 61].

Автор для того, чтобы передать больше яркости и образности в действиях персонажей, может использовать сравнения с явлениями природы и изобразительные глаголы могут быть частью сравнительной конструкции. Так, например, в отрывке: *Зандан хара тайган / Дорьболдожи байбал-даа / Дуун шуун хоёртон* [11, с. 120] ‘От крика-рева его / Могучая вековая тайга / Вся содрогалась’ [11, с. 121] глагол бур. *дорьбохо* «1. трястись, содрогаться;

2. сильно биться (о сердце)» [22, с. 294] участвует как подтверждающий элемент силы богатыря. Такое встречается и в эпизоде с глаголом бур. *орболзохо* «1. лохмато вздыматься; 2. ощериваться; 3. топорщиться (о шерсти)» [21, с. 37], где проявляется мощность стрелы богатыря: *Бухюуеын дуухан шууяба, / Зэнийын дуухан яньянба: / Ойдо байһан модоншин / Орболзожи ошолой, / Олон түмэн буган / Ундуй һундуй унаба; / Тайгуйн модон таръяба, / Тажи эрэн бугани / Тархья дүйжи унаба* [11, с. 101] ‘Зазвенела стрела, / Засвистел ее наконецник, / Лесные деревья / Закачались и повалились. / Тысячи изюбров / Вповалку попадали, / Деревья таежные затрещали, / Могучий пестрый изюбр упал, / Оглушенный треском таким’ [11, с. 101].

В предложении: *Захайн-хани модоной / Задаражи байхада, / Загал-хани Гогооной / Инзага-лан байхада / Түрөө гэхэн тэрэл-даа!* [11, с. 58] ‘Когда распускалось / Первое дерево, / Когда отелилась / Могучая изюбриха, / Родился он, говорят’ [11, с. 59] объект живой природы употреблен в определении времени, а глагол бур. *задарха* «1. раскрываться, развязываться, распечатываться; распускаться (о деревьях и цветах); 2. перен. расстраиваться; разваливаться, распадаться, разрушаться» [21, с. 373] дефинирует его.

- Описание жилища, утвари и оружия:

Помимо вышесказанного, в олонхо много примеров зафиксировано в описании жилища, оружия богатыря и *сэргэ* (коновязи). В изображении жилища богатыря с внешней стороны используется глагол *сэгэлдьит* «от *сэгэй*: слегка равномерно приподниматься, раскачиваться» [24, с. 540] для создания тяжелого, крепкого вида двери: *Биир өттүгэр биэс уон / Сиэркилэ таас түннүктээх, / Агаар өттүгэр абыс уон / Айдаан таас түннүктээх, / Соботох өттүгэр тобус уон / Сөлүүдэ таас түннүктээх. / Сиилинэй бухатыыр тэбинэн сэгэлдьитэн киирэр / Сэттэ уон тийэх эһэ / Тириитинэн тигэн дыаптайан оҥоһуллубут / Лип-хаан халбаннаах эбит* [10, с. 31] ‘На одной стороне / Пятьдесят окон зеркальных, / На другой половинке / Окна шумного стекла, / На единственной стороне / Девяносто окон слюдяных, / А дверь тяжеленная / Защита шкурами / Семидесяти медведей крупных, / Так прочно сделана, / Что сильнейший богатырь / Приоткрывает чуть-чуть’ [10, с. 205].

При описании ритуального столба коновязи *сэргэ* принимает участие глагол *бачыгыраа* «быть, казаться очень близко расположенными, образывая ряд (вид издалека на множество довольно крупных предметов)» [15, с. 280], который поясняет расположение столбов: *Тобус тойон киһи / Утарыта хаамсан киирэн / Дорообо бэрсэн эрэллэрин курдук / Тойон баабыр сэргэтэ / Бачыгырайан көһүннэ* [10, с. 29] ‘Напротив видны девять / Больших столбов – коновязей, / Будто девять знатных господ / Идут навстречу, привечая / Друг друга степенно’ [10, с. 203].

Глагол *кылбай* «1. светиться ярко; быть, казаться ярким, блестящим, сверкать; 2. сиять близкой, белеть; 3. быть, казаться ярким, светлым; сиять новизной, свежестью» [23, с. 225] привлечён к образному повествованию копыя: *Кытыл унуортан / Кылбайбытынан кэлэр / Кыыс-дыахтар имнээх хааныгар / Хатарыллан оҥоһуллубут кылааннаах / Хараарар хара дыэрэнкэй / Үгүүлэрдээх эбит* [10, с. 34] ‘Копья, закаленные / В крови с лица молодухи, / Играя черной молнией, настигающие / С побережья близкого, / Оказывается, есть у него’ [10, с. 208]. А глагол *олодуй* «1. оглядываться во все стороны, держа голову высоко; 2. казаться энергичным, решительным и предприимчивым» [25, с. 258] – в фрагменте о роковом мече: *Унуоргу тыаттан олодуйан кэлэр / Уолан киһи уостаах тиһин хааныгар / Уһааран-кэхтэрэн оҥорбут / Уорааннаах уһун тайба батастаах эбит* [10, с. 34] ‘Разящий из дальнего леса / Роковой у него меч, / Закаленный в крови / Из губ и зубов / Юноши, лихой / Есть тоже у него’ [10, с. 208].

В «Аламжи Бэргэн» глагол бур. *намхалзаха* «1. качаться, колебаться, зыбиться (о почве под ногами); 2. ходить величаво, важно» [22, с. 590] принимает участие при описании жилища, которое является частью сравнительной конструкции и показывает пронзительность действия коня: *Зогсоһон-ло бээрээ / Инсагаажы байбал-даа, / Ханьянсара инсагаажы байба-ла: / Орид-дом сагаан байсанеын / Узуураһаан дээши оболзожи гараба, / Оройһоон дооши намхалзажи бууба-ла* [11, с. 94] ‘Едва остановившись, / Конь заржал. / Так громко заржал, / Что белый стройный дворец / Сверху донизу зашатался, / Снизу доверху задрожал’ [11, с. 95].

К описанию жилища можно отнести еще один эпизод с участием изобразительных глаголов бур. *хэлтэлзэхэ* «переваливаться с боку на бок, качаться из стороны в сторону (говорится

о походе вперевалку хромящего на обе ноги)» [21, с. 515] и бур. *хэсылдихэ* «1. сидеть на одном боку (при верховой езде); 2. наклоняться набок; накрениваться» [21, с. 525], в котором представляется изображение заброшенного и неухоженного дворца: *Ургажи байһан ногоониин / Ургаһаара байбал-даа, / Хара хирээ хаахирбал, / Шара үнэгэн шиншибэл. / Үргүн сагаан байсаненын / Үрөөһөн тээшээ байнал-даа, / Хэсылдэжи хэлтэйжи / Ошоһонин тэрэл-даа* [11, с. 242] ‘Росшая там трава / Росла, как и прежде, / Лишь черный ворон каркал, / Рыжая лисица скулила. / Большой светлый дворец / Совсем скособочился, / Накренившись набок, / Стоял он. / Горевала-печалилась’ [11, с. 243].

Замечено, что значительное количество изобразительных глаголов привлечено при описании орудия персонажей. К примеру, глаголы бур. *нугарха* «1. сгибаться; перегибаться, гнуться; 2. (перезабываться, разбединяться) нугардаг буу ружьё-переломка» [22, с. 617], бур. *хамхарха* «1. отламываться; ломаться; 2. рушиться» [21, с. 392], бур. *шамарха* «засучиваться, задирается, отворачиваться (напр., о полах одежды, рукаве и т. п.)» [21, с. 603] содействуют при изображении разбиения топора чудовища: *Хадайн шинээн мангадай / Сарбагай сагаан Хүхэн-лэ / Хатуу газараар хамхаражи ошобо, / Хада уула бүри ханхинажи хийдэжи, / Бутаражи арилба; / Зөөлүн газараар / Нугуражи шамаражи ошобо-лоо* [11, с. 126] ‘Широкий плотничий топор / Машадхая, горе подобного, / [Отскочив], упал на твердую землю, / Ударился о скалу, звеня, полетел, / Раскальваясь на части, / И, сплюсцившись, искорежившись, / Ушел глубоко в мягкую землю’ [11, с. 127]. Кроме этого глагол бур. *бутарха* «1. разбиваться вдребезги, разваливаться; 2. рассыпаться» [22, с. 158] задействован в картине расколки железной палицы: *Дүшин бүүдээр хэмнэһэн / Түмүр хара мугуй-ла / Дүрбэн тээшээ / Зада дэлбэ хүрүжи, / Бутаражи унаба!* [11, с. 126] ‘Тяжелая железная палица / Весом в сорок пудов / Раскололась на части, / И куски ее разлетелись / На все четыре стороны’ [11, с. 127].

Глаголы с интерпретационной и эмоционально-оценочной функцией представляют окружающую среду, природу, материальный мир персонажей. Изобразительные глаголы бурятского языка с данной функцией во многих случаях содействуют изображению действий с участием предметов утвари и орудия, а также в сравнительных конструкциях для характеристики действий персонажей через описание природных объектов. Якутские изобразительные глаголы становятся непосредственными участниками подробного описания объектов окружающей среды.

Заключение

В результате проделанного анализа на основе классификации текстовых функций эмотивной лексики Л. Г. Бабенко можем сказать, что зафиксированные в якутском и бурятском эпосах изобразительные глаголы употребляются в большей степени при описании внешнего вида и движений персонажей, что говорит об их описательно-характерологической функции. Также немалая часть глаголов выполняют интерпретационную и эмоционально-оценочную функции, привлекаются для описания природы, жилища, утвари и орудия. Следует отметить, что якутский сказитель чаще прибегает к детализациям и образным описаниям с целью придания зрелищности, красочности картин и действий, а бурятский сказитель основное внимание уделяет динамике движений и действий для живости и яркости течения событий, развития сюжетов. Анализ функциональных особенностей якутских и бурятских изобразительных глаголов в эпических текстах позволяет нам сказать, что общность изобразительных глаголов двух языков заключается в их непосредственном участии в создании образов, описании картин, характеристике действий.

Литература

1. Харитонов Л. Н. Типы глагольной основы в якутском языке. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1954. – 312 с.
2. Пухов И. В. Героический эпос алтае-саянских народов и якутское олонхо. – Якутск : Изд-во СО РАН, Якутский филиал, 2004. – 326 с.
3. Пухов И. В. Якутский героический эпос – олонхо : публикации, перевод, теория, типология : избранные статьи. – Якутск : Изд-во СО РАН, Якутский филиал, 2004. – 212 с.

4. Борисова А. А. Мотив уничтожения чудовища абаасы в якутском олонхо в сравнительном анализе с бурятским эпосом // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова : Серия Эпосоведение. – 2020, № 3 (19). – С. 118–124. – DOI : 10.25587/c2037-7658-4383-w.
5. Корякина А. Ф. Сравнительный анализ образной системы якутского и бурятского эпосов // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. – 2015. – Т. 12. – № 2. – С. 96–103.
6. Данилова А. Н. Женщина-богатырка в якутском и бурятском эпосах (опыт сравнительно-типологического исследования) // Фольклор в контексте культуры : материалы II Всероссийской научной конференции (Махачкала, 10 марта 2011 г.). – Махачкала : ДГПУ, 2011. – С. 83–86.
7. Корякина А. Ф. Некоторые параллели в поэтике якутского олонхо и бурятского улигера (на примере олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» Платона Ойунского и улигера «Абай Гэсэр Могучий» в записи Маншуда Имегенова) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 12-1 (30). – С. 112–117.
8. Роббек Л. В. Основные отличия и сходства аллитерационных систем олонхо и эхирит-булагарских улигер // Тенденции развития науки и образования. – 2018. – № 43-5. – С. 43–46.
9. Борисов Ю. П. Параллелизмы в якутском олонхо «Сылгы уола Дыырай бухатыыр» и бурятском улигере «Аламжи Бэргэн» // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. – 2014. – Т. 11. – № 3. – С. 83–89.
10. Бурнашев И. И. – Тонг Суорун. Сылгы уола Дыырай Бухатыыр = Сын лошади Богатырь Дыырай. – Якутск : Издательский дом СВФУ, 2013. – 376 с. (На якутском и русс. яз.)
11. Бурятский героический эпос / Сост. М. И. Тулохонов. – Новосибирск : Наука. Сиб. отделение, 1991. – 312 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока). (На бурятском и русс. яз.)
12. Хертек Л. К. К вопросу о лингвистическом анализе эпических текстов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 12-1 (54). – С. 188–190.
13. Бабенко Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика : учебник, практикум. 2-е изд. – Москва : Флинта : Наука, 2004. – 496 с.
14. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта. Т. 12 / Под ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2015. – 595 с.
15. Толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах тылдьыта. Т. 2 / Под ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2005. – 912 с.
16. Толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах тылдьыта. Т. 3 / Под ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2006. – 844 с.
17. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта. Т. 13 / Под ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2016. – 637 с.
18. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта. Т. 10 / Под ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2013. – 575 с.
19. Толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах тылдьыта. Т. 1 / Под ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2004. – 680 с.
20. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта. Т. 18 / Под ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2013. – 576 с.
21. Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Буряд-ород толи. Бурятско-русский словарь. В 2 т. Т. 2. О-Я. – Улан-Удэ : Республиканская типография, 2010. – 708 с.
22. Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Буряд-ород толи. Бурятско-русский словарь. В 2 т. Т. 1. А-Н. – Улан-Удэ : Республиканская типография, 2010. – 636 с.
23. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта. Т. 5 / Под ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2008. – 616 с.
24. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта. Т. 9 / Под ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2012. – 630 с.
25. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта. Т. 7 / Под ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2010. – 517 с.

References

1. Kharitonov L. N. The types of verbs stem in Yakut language. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1954, 312 p. (In Russ.)

2. Pukhov I. V. The heroic epic of the Altai-Sayan peoples and the Yakut olonkho. Yakutsk, SB RAS Publ., Yakut filial, 2004, 326 p. (In Russ.)
3. Pukhov I. V. Yakut heroic epic – olonkho: publications, translation, theory, typology: selected articles. Yakutsk, SB RAS Publ., Yakut filial, 2004, 212 p. (In Russ.)
4. Borisova A. A. The motive of the abassy monster destruction in the Yakut olonkho in a comparative analysis with the Buryat epic. *Vestnik of North-Eastern Federal University. Series Epic studies*. 2020, No. 3 (19), pp. 118–124. DOI: 10.25587/c2037-7658-4383-w. (In Russ.)
5. Koryakina A. F. Comparative analysis of the imaginative system of the Yakut and Buryat epics. *Vestnik of North-Eastern Federal University*. 2015, Vol. 12, No. 2, pp. 96–103. (In Russ.)
6. Danilova A. N. The woman-warrior in the Yakut and Buryat epics (the experience of a comparative and typological study). In: *Folklore in the context of culture: materials of the II All-Russian scientific conference (Makhachkala, March 10, 2011)*. Makhachkala, DSPU Publ., 2011, pp. 83–86. (In Russ.)
7. Koryakina A. F. Some parallels in the poetics of the Yakut olonkho and the Buryat uliger (on the example of olonkho “Nyurgun Bootur The Swift” by Platon Oyunsky and uliger “The Mighty Abai Geser” in the record of Manshud Imegenov). *Philology. Theory & Practice*. 2013, No. 12-1 (30), pp. 112–117. (In Russ.)
8. Robbek L. V. The main differences and similarities between the alliterative systems of olonkho and ekhirit-bulagar uligers. *Trends in the development of science and education*. 2018, No. 43-5, pp. 43–46. (In Russ.)
9. Borisov Yu. P. Parallelisms in the Yakut olonkho “Sylgy uola Dyrai buhatyyr” and the Buryat uliger “Alamzhi Bergen”. *Vestnik of North-Eastern Federal University*. 2014, Vol. 11, No. 3, pp. 83–89. (In Russ.)
10. Burnashev I. I. – Tong Suorun. The Son of Horse Bogatyr Dyrai. Yakutsk, NEFU Publ., 2013, 376 p. (In Yakut and Russ.)
11. Buryat heroic epic. Comp. M. I. Tulokhonov. Novosibirsk, Nauka Publ., 1991, 312 p. (Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East]. (In Buryat and Russ.)
12. Khertek L. K. On the question of linguistic analysis of epic texts. *Philology. Theory & Practice*. 2015, No. 12-1 (54), pp. 188–190. (In Russ.)
13. Babenko L. G. Linguistic analysis of literary text. Theory and practice: textbook, workshop. 2nd ed. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2004, 496 p. (In Russ.)
14. Large defining dictionary of Yakut language. Vol. 12. Ed. P. A. Sleptsov. Novosibirsk, Nauka Publ., 2015, 595 p.
15. Defining dictionary of Yakut language. Vol. 2. Ed. P. A. Sleptsov. Novosibirsk, Nauka Publ., 2005, 912 p.
16. Defining dictionary of Yakut language. Vol. 3. Ed. P. A. Sleptsov. Novosibirsk, Nauka Publ., 2006, 844 p.
17. Large defining dictionary of Yakut language. Vol. 13. Ed. P. A. Sleptsov. Novosibirsk, Nauka Publ., 2016, 637 p.
18. Large defining dictionary of Yakut language. Vol. 10. Ed. P. A. Sleptsov. Novosibirsk, Nauka Publ., 2013, 575 p.
19. Defining dictionary of Yakut language. Vol. 1. Ed. P. A. Sleptsov. Novosibirsk, Nauka Publ., 2004, 680 p.
20. Large defining dictionary of Yakut language. Vol. 10. Ed. P. A. Sleptsov. Novosibirsk, Nauka Publ., 2013, 576 p.
21. Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. Buryat-Russian dictionary. In 2 vol. Vol. 2. O-Ya. Ulan-Ude, Respublikanskaya tipografiya Publ., 2010, 708 p.
22. Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. Buryat-Russian dictionary. In 2 vol. Vol. 1. A-N. Ulan-Ude, Respublikanskaya tipografiya Publ., 2010, 636 p.
23. Large defining dictionary of Yakut language. Vol. 5. Ed. P. A. Sleptsov. Novosibirsk, Nauka Publ., 2008, 616 p.
24. Large defining dictionary of Yakut language. Vol. 9. Ed. P. A. Sleptsov. Novosibirsk, Nauka Publ., 2012, 630 p.
25. Large defining dictionary of Yakut language. Vol. 7. Ed. P. A. Sleptsov. Novosibirsk, Nauka Publ., 2010, 517 p.